

ФРОНТОВАЯ РАЗВЕДКА

**ИГОРЬ БЕСКИН
ТАТЬЯНА АЛЕКСЕЕВА-БЕСКИНА**

**ПРАВДА
ФРОНТОВОГО
РАЗВЕДЧИКА**

ШАНС ВЫЖИТЬ – ОДИН ИЗ СТА

Москва
«ЯУЗА»
«ЭКСМО»
2014

УДК 355/359
ББК 68
Б 53

Бескин И.

Б 53 Правда фронтового разведчика. Шанс выжить — один из ста / Игорь Бескин, Татьяна Алексеева-Бескина. — М. : Яуза : Эксмо, 2014. — 320 с. — (Фронтовая разведка).

ISBN 978-5-699-71551-0

У автора этой книги не было и одного шанса из ста остаться в живых — но он выжил, чтобы рассказать правду о самой страшной войне в нашей истории. Это — уникальные воспоминания фронтового разведчика, которых не зря за глаза называли смертниками. Эти мемуары достойны войти в золотой фонд литературы о Великой Отечественной.

«Двадцать семь месяцев на передовой, в том числе двадцать месяцев в пешей, пехотной разведке, остальное — по госпиталям. Опыт фронта был таков: два-три месяца в разведке — и для большинства война кончалась навсегда или выводила за скобки инвалидом, калекой, кому как повезет. Ему выпало — жить! Лишь троим из ста мальчишек, родившихся в 1923 году, выпал этот жребий!..»

УДК 355/359
ББК 68

ISBN 978-5-699-71551-0

© Бескин И., 2014
© Алексеева-Бескина Т.И., 2014
© ООО «Издательство «Яуза», 2014
© ООО «Издательство «Эксмо», 2014

А память готова взорваться опять,
Лишь только ее вы затроньте.

М. Матусовский

Как за левым плечом черт стоит,
Под руку толкнуть норовит,
Как за правым плечом — ангел стоит,
Крылышком заслоняет...

Из сказки

Книга писалась долго и непросто. Когда память почти через полвека начала во сне возвращать немолодому ветерану Отечественной войны осколки прошлого и стали восстанавливаться эпизоды далеких военных лет, он не мог не поделиться ими со мной. Было бы грешно не кинуться к перу и бумаге, то бишь к пишущей машинке, успевая записывать если не дословные рассказы, то хотя бы их фабулу для дальнейшей отработки текстов.

По фрагментикам, по небольшим эпизодам почти два года вели ветеран и я этот диалог с прошлым Игоря, дополняя, уточняя и превращая меня в соавтора. Книгу решили назвать «Выпало — жить!», иначе и не скажешь — жребий судьбы. И появилась первая часть книги «Зарубки на памяти» — автобиографические рассказы, воспоминания фронтовика-разведчика, инвалида войны, полковника в отставке Бескина Игоря Александровича.

Лейтенант фронтовых дней Бескин И. А. успел не только прочесть рукопись этой части, но дополнял что-то ранее ускользнувшее, пропущенное в исходных рассказах. Особенно это касалось эпизодов, связанных с освобождением Холма Новгородской области. Некто Ларри Бургдорф, американец, одно время работавший в России и живо интересующийся историей города Холм, узнал, уж и не помню, каким образом, что жив один из

участников военных событий 1944 года — Игорь Александрович. Более того, что им написана книга военных воспоминаний. У самого Бургдорфа оказалась книга Оскара Перро, изданная в Канаде, воевавшего там же, но по другую сторону окопов. Естественно, возник активный контакт, посыпались вопросы Бургдорфа, восстанавливались детали, шло пополнение текста, об этом ниже.

Все мы когда-то присоединяемся к большинству. Не стало и ветерана Бескина И. А., которому выпало прожить 81 год. А раз судьба распорядилась «Жить!», то, естественно, возникла необходимость рассказать о том, как он, из числа немногих уцелевших его сверстников, жил после 1945 года? Как распорядился этим даром судьбы?

Вот и появилась вторая часть этой книги — «Эпилог после эпилога», в которой мы уже вдвоем с Игорем Александровичем, с Игорем, «листаем» годы, где я уже не просто соавтор — некто за кадром и где мы — едины и все написано уже от первого лица, от лица соавтора, друга, жены.

ЧАСТЬ 1

ЗАРУБКИ НА ПАМЯТИ

Предваряя рассказы

На воде застыл огромный ярко-красный поплавок бакена. Неподалеку, на хребте большого моста через канал, ровно гудит шоссе, непрерывный поток машин Москва — Петербург, тогдашний Ленинград. Изредка из-под моста с шумом вылетает шустрый кораблик на подводных крыльях или величаво выплывает белая громадина многопалубного пассажирского теплохода — рядом речной вокзал на Химкинском водохранилище. Гладкие волны набегают тогда рядами на песок, раскачивают бакен и дробят отражение леса на другом берегу. Приглушенно шумит шоссе, шелестят волны, с отдаленного пляжа слышны голоса мальчишек, зеленая стрекоза зависла над прибрежной травой. Все в покое, все в движении.

На камне у воды сидит человек и, наслаждаясь теплом, запахом воды, покоем, следит за ритмом волн, бегущих вдоль линии песка. У берега вода чиста и прозрачна. Человек немолод, седоват и грузен. Почти шестьдесят пять лет назад именно с этого места они с мальчишками из Истребительного батальона прыгнули в воду канала. И было раннее утро, и только что ему стукнуло восемнадцать, и на другом берегу ждал мальчишек первый бой с живыми врагами. Был июль 1941-го.

Некоторых людей все время тянет вперед, дальше: а что там, за поворотом? Есть люди, которых влекут ушедшее детство и место, где было хорошо, все ясно, уютно, тепло,

душевно, но это не более чем уже пройденные дни, там нет ничего нового, интересного. Но вот почти всех людей в определенном возрасте с неизбежностью, кого в сорок, кого в шестьдесят, а кого и в восемьдесят лет, тянет пройти по старым дорогам, заглянуть во двор, где прошло детство, выйти на пригорок, откуда любовался далями, потянуть за ручку скрипучей двери почти забытого дома. Зачем?

Некоторых притягивают греющие душу воспоминания прошлого, особенно если многолетнего будущего уже вроде и не предвидится. Большинство, оборачиваясь назад, обнаруживают, что тогда «деревья были большими», что городок мал и убог, что высокие ценности прошлого превратились в ничто, а многое стало смешным в своей малости, ненужности, удаленности во времени. Память, как масштаб жизни человека, его движения, роста, дает пищу размышлениям.

Бывает и так: вернешься в свой тихий, всегда понятный мир прошлого, а там тебя уже и нет, все ушло вперед, все изменилось, стало незнакомым, мало понятным. Здания, витрины, афиши, непривычная глазу одежда на прохожих, не читанные за много лет книги, журналы, твои знания давно устарели, в лабораториях непонятные приборы, шкалы и прочее, все понимают происходящее, а ты — нет. Как будто вышел из тайги, где наблюдал только неизменную и непостижимую природу, а тут все ушло куда-то без тебя и надо либо догонять, либо уходить, если не вступишь в новую жизнь. А можно и оуклиться, сохранить в себе старый, привычный мир, замереть. Это уж кому что на роду написано, каждый сам строит свою жизнь.

Соотнеся прошлое и настоящее, человек осознает, насколько он стал умнее, мудрее, человечнее, насколько он стал Человеком, насколько ушел от своего начала, от своей точки отсчета. Человек ставит рядом себя, сегодняшнего, с собой — прошлым. Человек смотрится в свое отражение.

Отражение — понятие многообразное, многосложное, многоликое. Отразились облака в тихой воде, отразился луч в осколке стекла, отразилось лицо в глазах другого, отразился сам человек в стекле, зеркале — увидел своими глазами. Отразился человек в своем прошлом. Есть большой смысл в том, что человека тянет заглянуть в свои ушедшие дни, оценить их с другой высоты, пройдя по старым дорогам, сравнить себя с тем, кем был много лет назад. Это не ностальгия по прошлому, это потребность развития, становления души человека с нормальной психикой, как бы ни было иногда тяжело это заглядывание в прошлое, особенно военное, фронтовое.

Многое уходит из памяти, но не те нелегкие дни, когда часы иногда кажутся сутками, когда человек весь сжимается в пружину, готовую распрямиться в любой момент. Напряжение этой пружины так и остается следами в памяти, характере, судьбе.

У человека, потерявшего ногу, руку, на всю жизнь сохраняются фантомные боли в несуществующей конечности — руки нет, а болит, как живая. Недавно ученые получили как бы отпечатки биополя человека: у ветерана с ампутированной рукой энергетическое свечение испускали не только живые ткани тела, но и несуществующая рука — сохраняется ее энергетическое биополе, отсюда и поступают сигналы боли. Точно так же психика людская сохраняет отпечаток самых концентрированных по переживаниям дней надолго, навсегда, как ни хотел бы человек от них избавиться, забыть.

Ушли какие-то эмоции, канули в небытие детали тогдашние, казавшиеся существенными, мелочи отсеялись. Память отфильтровала главное — фабулу событий, наиболее существенные фрагменты действий, переживаний. Человек — на войне! Не верьте, когда говорят, что не было страшно, что сплошь только и думали о подвигах, героизме, о защите Родины и полководцах — отцах родных. Человек на войне крутится между двух полюсов:

выполнить приказ и не расстаться с единственной своей жизнью, а возможности ограничены узким диапазоном разрешенных его положением действий. Но главное все же было: большинство воевали свято, так как ни при каком раскладе обратного пути не было.

Прошли уже десятилетия со дня Победы. Многое переоценилось, пересмотрено, многому определилось свое место. Девяностые годы вообще поставили под сомнение не только существовавшую официальную историю войны Отечественной, но и историю всей страны. У ветеранов Второй мировой стал появляться «афганский» синдром, мысли о том, зачем вообще нужны были эти гигантские утраты, жертвы, вселенская бойня, затеянная несколькими политиками. Горькое прозрение. И вместе с тем продолжают девальвироваться немыслимые усилия огромной страны, лоб в лоб сошедшейся с черной волной фашизма. Особенно при современном раскладе обстоятельств, когда побежденные и страны, ими в свое время захваченные, живут много лучше победителей, которым даже отваливали гуманитарную помощь. Исторический абсурд и реальность. Время — лучший историк, все определяет, все раскладывает по совести и правде.

Но тогдашние победители, защитившие свою страну, воевали действительно на грани моральных и физических возможностей, и не рассказать об этом следующим поколениям было бы взять грех на душу. История пишется малыми штрихами, мазками, контурами, слагаясь в достоверную картину жизни людей. И главным в этой истории оказываются не интриги вождей, не решения полководцев, а жизнь человека на войне, в тылу, его мысли, действия.

Десятилетия, прожитые после той страшной войны, возвращают памяти не мальчишеские предвоенные годы, а именно годы, месяцы, дни — те, что называют войной, те, что оказались в жизни фронтовыми. Именно фронтовыми, окопными, а не околофронтовыми, околоокопными.

У каждого, кто жил в те тяжкие годы сорок первого — сорок пятого, была своя Война. У кого-то это была тяжелейшая работа и полуголодное существование на эвакуированном в тыл заводе, у кого-то кошмарные, как дурной сон, недели, месяцы отступлений, плена, выходов из окружений и других испытаний — от 22 июня до самых подмосковных дач, у кого-то талончики блокадного пайка и свист и взрывы бомб, снарядов...

Война была у каждого своя, независимо от возраста, пусть это были даже отрывочные всполохи памяти ребенка — бомбежка, обстрел поезда, путь по горячей степи в тыл, подальше от линии фронта, три кружочка жира в миске мучной затирухи и ужас потерянных продовольственных карточек. И была грязная, страшная, нудная война тех, кто был на линии огня, тех, кто исковыривал землю окопами, утюжил ее локтями и коленками.

Была Война командующих, генералов, офицеров второго, третьего эшелонов. Генералы — маршалы написали много книг о своей войне. Но те, кто был на линии огня, кто бывал в бою, видел события совсем в других красках, совсем в другом, окопном ракурсе, те, для которых стратегические шаги означали кровавые бои, книг написать не успели, а если и живы остались — не умели, не считая единиц уцелевших писателей-фронтовиков. А что рассказывать, скажет иной фронтовик! Ну, воевали, много ли от каждого зависело, ну, кусочек линии обороны держать, ну, бросок в атаку, ну, «языка» взял. Но именно тут, на микроскопическом, малом, в несколько метров участке фронта для каждого воевавшего принимались самые ответственные решения, где цена неточности — жизнь сотоварищей по оружию, твоя собственная голова.

Много десятилетий назад жизнь втянула его — Бескина Игоря, теперь ветерана, в орбиту беспощадного шквала-противостояния. Двадцать семь месяцев на передовой, в том числе двадцать месяцев в пешей, пе-

хотной разведке, остальное — по госпиталям. Опыт фронта был таков: два-три месяца в разведке и — для большинства война кончалась или навсегда, или выводила за скобки инвалидом, калекой, кому как повезет. Ему выпало — жить! Троицким — из каждых ста мальчишек, родившихся в 1923 году, выпал этот жребий!

И вот ветеран понял, что, пока он кому-нибудь не расскажет о своей войне, она его не отпустит, пусть даже слушателями окажутся всего внук, двое-трое друзей, однополчанин, может, успеет подрасти недавно родившийся правнук. Многое невосвратно забылось, но многое, ох многое, из памяти так и не уходит.

Как ни странно, при обилии за послевоенные годы литературы, мемуаров о войне мировой, Отечественной, очень мало рассказано о разведчиках. Читатель вправе возмутиться: как так? А сколько написано о работе наших в тылу врага, о подвигах на грани человеческих возможностей, на грани фантастики! Правильно, более всего написано как раз о разведчиках в тылу врага, на грани приключений, детектива. А вот о разведке самой ординарной, фронтовой, о разведке на уровне полковой, без которой полк воевать не сможет, о разведке, без которой дивизия застрянет, наступление захлебнется, без которой неизбежны лишние жертвы, — по сути, нет книг. О разведке, которая сутки за сутками ведет свой бесконечный поиск днем и ночью, в снегах и болотах, в жару и в холод, ползком, впопыхах, через минные поля и обратно, с «языком» или раненым товарищем на спине, изо дня в день, из ночи в ночь, — что-то не попадает. Об этом может написать только тот, кто сам был там, в разведке, а не просто на фронте. А вот таких меньше всего и осталось в живых, а уж среди ветеранов и тем более. Так что о разведке стоит рассказать не только потому, что о зенитчиках, о саперах и т. п. есть, а о пешей разведке сказано мало, рассказать следует по долгу памяти оставшегося в живых перед теми, кто давно умолк.

Стоит сказать, что ветеран Игорь Бескин не любит читать книги о разведчиках, смотреть фильмы прошлых лет о них, обо всех этих штирлицах. В книгах таких сплошь героизм, высокие выражения, искренних слов о войне написано совсем немного, раз-два, пальцев на руках хватит, чтобы пересчитать честные книги, а может быть, их еще пишут? Он был свидетелем и участником войны, часто бессмысленной, жестокой, страшной и беспощадной. Более восьмисот дней и ночей варился он в этом ужасном котле, в самом кипящем его слое — на и за передовой, малой песчинкой, молекулой, как миллионы других, недаром фронтовые 365 дней считаются за три мирных года жизни. И хотя последующие свои десятилетия ветеран не рискнул бы назвать мирными и безоблачными, легкими и безмятежными, как человека его сформировали фронтовые дни, создали его характер, закрепили в нем тот стержень, на который нанизывалась вся последующая жизнь. Каждый рассказывает о том, что ему досталось. Все эти штрихи, фрагменты, может быть, кому-то пригодятся: историю войны, ее трагедию еще предстоит написать, собрав воедино эти осколки, написать по велению души, а не по заказу свыше. Ветерану, пожилому человеку, но все еще фронтовику-мальчишке настало время рассказать о своей войне, о той, что была доступна его пониманию, о войне в небольшом радиусе действия, где что-то зависело от него, от его решений в обстоятельствах, которые были определены ему войной в нижнем, окопном слое ее «номенклатуры». И менее всего хотелось вспоминать о душераздирающих сценах и подробностях, способных вызвать ужас, омерзение, — того, что память старательно уводит в свои глубины. А такого было — через край! Но люди и в этом кошмаре оставались людьми, не позволяли себе давать свободу низменным проявлениям, и было это нелегко. О простом человеке на Войне — об этом рассказы.

Сквозь Войну человек прошел, пробился, продрался, от опасностей не прятался, врагов уничтожал, друзей заслонял, и жребий ему выпал — жить!

Позднее, прочитав написанное, первую часть книги, он приписал к тексту строки Ю. Друниной — поэта-фронтовика:

Запорол я сердце, как мотор, — в нем все чаще, чаще перебои... / До каких же в самом деле пор брать мне каждый сантиметр с бою? / Ничего! / Кто выжил на войне, тот уже не сдастся на гражданке! / С нестерпимым грохотом по мне / проползают годы, словно танки...

Бал выпускной

Выпускные балы, наверно, во всех школах одинаковы: бестолковы, шумны, грустны и дурашливы. Школьные несерьезные отношения вдруг становятся по-взрослому значимыми, приятельски беззаботные — оказываются дружбой на годы. И школа помнится как последний островок прошлого, детского. Были и поцелуи в кустах, и тайно принесенное «взрослое» вино, и небезобидные шуточки. Последний школьный сбор — бал. 21 июня 1941 года. Начиналась жизнь в «после»...

В четыре часа утра в приподнятом настроении после бальной суматохи Игорь влез домой через террасу, чтобы не будить родителей. В маленьком деревянном домике подмосковного тогда Ховрина, куда их выселили с Арбата — сталинской трассы, слышны были любые шаги, стуки дверей. Спать не хотелось, утро расцветало свежее, с высоким небом, густой зеленью сада. Улыбка не сходила с лица — вспоминались шутки, прощальные проделки, веселье.

На террасе стоял редкий тогда в домах всеволновый приемник 6Н-1, им наградили на работе отца. Включил и в поисках музыки под настроение начал шарить по

диапазонам, сняв предельно громкость. Какие-то слова, фразы на немецком, который он прилично знал, заставили насторожиться. На коротких волнах речь звучала особенно возбужденно, причем по разным радиостанциям. Прислушался, пытаюсь понять: «...Советский Союз вероломно нарушил взятые на себя обязательства... отдан приказ вермахту наказать зарвавшихся большевиков...» Как потом оказалось, передавали речь Гитлера. Переключил на советские диапазоны — радиостанция Коминтерна. Было 6.20 утра — передавали урок гимнастики. Снова стал слушать немцев — там сводка Верховного командования вермахта о том, что бомбили Севастополь, Киев, Львов, что на всем протяжении границы войска вермахта перешли ее, сопротивление слабое, Красная армия бежит. Снова — наши: передают последние известия, что-то о стахановцах и — ни слова больше!

Разбудил отца. Тот не хотел просыпаться, ворчал, что, мол, не неси чепуху, перебрал на вечере с друзьями, померещилось. Но, уловив первые обрывки немецкой речи, весь как-то замер, застыл и долго вслушивался, боясь пошевелиться. Уж он-то, побывавший в австро-венгерском плену в Первую мировую, прошедший всю Гражданскую войну, понял, что к чему. Молча, широко раскрытыми глазами отец и сын глядели друг на друга. Каждый мысленно уже сказал себе: это война! Страшное, безжалостное слово, когда она где-то там, и леденящее ум и душу, когда это касается тебя.

В последних известиях по радио в восемь утра о войне — ни слова. Обычный семейный воскресный завтрак оказался скомкан. Было очевидно, что вот-вот начнется реакция на события, неразбериха. И, помня Первую мировую, родители решительно отправились за продуктами — закупать про запас. А Игорь, только что выпущенный из школы ее комсорг, остался верен себе.

В ховринской железнодорожной школе, где он заканчивал десятый класс, существовала «цепочка» для сбора ком-